
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-X

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович

St. Petersburg
2013

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-Х: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 144 с.

Десятый выпуск сборника имеет разделы: «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Историография, источниковедение и история науки», «Рецензии и научная жизнь», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The tenth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* http://www.pvost.org

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 усл.-п. л. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85803-467-4

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие. <i>И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумова</i>	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. Г. Скородумова. Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре.	8
О. А. Сапожникова. Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)	16
А. А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы	21
Д. А. Носов. Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?	26
А. А. Соловьева. Рассказы о проделках нечистой силы в монгольском фольклоре	33
П. О. Рыкин. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу юй» (конец XVI—начало XVII в.)	41
А. И. Чернуха. К вопросу о диахроническом образовании долгих гласных в монгольском языке	49
И. В. Кульганек. Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх.	53
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Е. И. Кычанов. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)	58
К. В. Алексеев. О двух монгольских рукописях жизнеописания Гампопы (1079—1153)	65
Ю. И. Елихина. Монгольские ксилографические доски из коллекции Государственного Эрмитажа	70
А. В. Майоров. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий)	74
А. Б. Малышев. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы)	82
П. Чултэмсүрэн. Краткая история халхаского Цогту-хунтайджи и его потомков	86
Ф. Л. Синицын. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)	90
И. В. Кульганек. Рукописное и архивное наследие монгольских народов в России	97
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Н. Яцковская. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова	101
Б. Дайриймаа. Конференция, посвященная 100-летию известного алтайского урянхайского исполнителя С. Чойсурепа	109
Ю. И. Дробышев. Новые издания совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН	110
О. Н. Полянская. Конференция «Монголия в XX веке: от восстановления независимости до международного признания». 1—2 декабря 2011 г., г. Иркутск	113
Т. Г. Басангова. Субурган Джамбо-тайши Тундугова	117
Л. В. Четырова. Монгольский форум в Париже	119
Л. Халоупкова. <i>Болдохонов К. Б.</i> Дорогие мои земляки	120
А. А. Бурыкин. <i>Омакаева Э. У.</i> Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории	122
Т. Д. Скрынникова. <i>В. Л. Успенский.</i> Тибетский буддизм в Пекине	125
И. В. Кульганек. Отчет о Первой Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора»	128
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Т. Баянсан. Лысое сердце (пер. Л. Скородумовой)	131
С. Эрдэнэ. Камень в сердце (пер. О. Сапожниковой)	133
П. Лувсанцэрэн. Голубой, как вода (пер. О. Сапожниковой)	134
С. Пурэв. Страдания собаки никогда не кончатся (пер. О. Сапожниковой, под ред. Л. Скородумовой)	138
Д. Гармаа. Сундук гецула (Будда) (пер. К. Ким)	140
Summary	141

Contents

Introduction by <i>I. V. Kulganek, L. G. Skorodumova</i>	5
LITERARY STUDIES, FOLKLORE STUDIES, LINGUISTICS	
L. G. Skorodumova. The model of the space-time continuum in the Mongol culture	8
O. A. Sapozhnikova. The spiritual character of the Mongolian people in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)	16
A. A. Turanskaya. The Mongolian translation of the collection «One Hundred thousand hymns» by Milarepa	21
D. A. Nosov. The structure of the Mongolian folk tales	26
A. A. Solovyeva. Stories about the evil forces in the Mongolian folklore	33
P. O. Rykin. On the Principles of Chinese Transcription of Mongolian Words in the Chinese-Mongolian Dictionary «Da-da yu/Beilu yiyu» (late 16 th —early 17 th centuries)	41
A. I. Chernukha. On diachronic process of formation of long vowels in the Mongolian language.	49
I. V. Kulganek. Folklore embodiment of the Prikhubsugulie's phenomenon — Dayan Derkh	53
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
E. I. Kychanov. The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century. (the «New laws» of Xia)	58
K. W. Alekseev. About two Mongolian manuscripts of the biography of Gampopa (1079—1153)	65
Yu. I. Yelikhina. Mongolian woodcut boards from the collection of the State Hermitage.	70
A. V. Mayorov. Pope Innocent IV's letter to Sartakh Khan of the Golden Horde (text, translation, notes)	74
A. B. Malyshev. What was the purpose of the Golden Horde «poem» written on birch bark found near the village of Podgornoe? (statement of the problem)	82
P. Chultemsuren. A brief history of Khlalkh Tsogtu-Khuntaydzhi and his disciples	86
F. L. Sinitsyn. International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)	90
I. V. Kulganek. Manuscript and archival legacy of mongolian peoples in Russia	97
REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE	
K. N. Yatskovskaya. Reading the «Works of Mongolia and for Mongolia» by A. D. Simukov [The State Museum of Ethnology, Osaka, 2007—2008]	101
B. Dayriymaa. The conference dedicated to the 100 th anniversary of the famous Altai-Uryankhay performer S. Choysuren	109
Yu. I. Drobyshev. The new publications by the Integrated Russian-Mongolian biological expedition of RAS and MAS	110
O. N. Polyanskaya. The conference «Mongolia in the XX century: from the restoration of independence to the international recognition»	113
T. G. Basangova. Suvarga of Jumbo Taishi Tundutov	117
L. V. Chetyrova. Mongolian forum in Paris.	119
L. Khaloupkova. Review of «My Dear Countrymen» by K. B. Boldokhonov (Ulan-Ude, 2012)	120
A. A. Burykin. Review of «The Typology of Model-forming Parts of Sentences in the Kalmyk and Mongolian Languages in Light of the Verbal-actantial Theory» by E. U. Omakaeva. (Ulaanbaatar, 2011)	122
T. D. Skrynnikova. <i>V. L. Uspenskiy.</i> The Tibet Buddhism in Beijing.	125
I. V. Kulganek. Report about the first international conference «Cultural Heritage of mongols: manuscripts and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar»	128
OUR TRANSLATIONS	
T. Bayansan. Bald Heart (translated by L. Skorodumova)	131
S. Erdene. Stone Heart (translated by A. Sapozhnikova)	133
P. Luvsantseren. As Blue as Water (translated by A. Sapozhnikova)	134
C. Purev. A Dog's Suffering Never Ends (translated by A. Sapozhnikova; ed. by L. Skorodumova)	138
D. Garma. Getsul's Chest (translated by K. Kim)	140
Summary	141

Т. Д. Скрынникова

В. Л. Успенский. Тибетский буддизм в Пекине

В. Л. Успенский. Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011.

Важность появления работы В. Л. Успенского трудно переоценить, что определяется необходимостью осмысления взаимоотношений Китая (сначала монгольской империи Юань, а позже маньчжурского императорского дома) с тибетской буддийской организацией, не только сохраняющих свою актуальность по сей день, но и занимающих важное место в современных геополитических процессах как в Азии, так и во всем мире. Значение распространения буддизма на данной территории подчеркивает и сам автор: «Тибетский буддизм пришел в Пекин (тогда столичный город Даду монгольской династии Юань) в XIII в. и существует там и поныне. Многие важнейшие для истории тибетского буддизма события произошли именно в Пекине. Так, там было осуществлено первое издание и не менее пяти переизданий громадного по объему (333 тома) буддийского канона на тибетском языке, существовавшего до того времени лишь в единичных рукописных списках. Редактирование, перевод большей части и издание канона на монгольском языке были выполнены только в Пекине, где было сосредоточено почти все книгопечатание на монгольском языке. В XVIII в. был создан заново буддийский канон на маньчжурском языке, оформленный в тибетском стиле. Собрания сочинений тибетских и монгольских буддийских авторов, а также отдельные книги (часто многотомные) печатались и переписывались в Пекине в огромных количествах. Расцвет буддийской книжности в Пекине стал могучим стимулом для развития монгольского, маньчжурского и тибетского языков, традиционной учености и религиозного искусства. При династии Цин строительство в Пекине ламаистских храмов и изготовление предметов культа приобрели небывалый размах» (с. 4).

Сам автор так определил характер своей работы: «Данная книга отчасти является и научным анализом и обобщением собирательской работы основоположников отечественных монголоведения и тибетологии (не по вине которых это обобщение опоздало почти на сто лет)» (с. 7). В монографии В. Л. Успенского наиболее полно и всесторонне реконструирована история тибетского буддизма и постепенная

трансформация его культурно-исторической роли: от влияния его на ограниченную территорию (на Тибете) к доминированию во внутри- и внешнеполитической жизни не только Тибета, но и обширного региона Центральной и Восточной Азии через создание Пекинского центра. Изложив кратко историю распространения буддизма на Тибете и роль Юаньской династии в укреплении его позиций, В. Л. Успенский основное внимание уделил политике Цинского двора и созданию и деятельности Пекинского центра. Этот период стал ключевым для институционализации тибетского буддизма в границах широкого региона Центральной и Восточной Азии и для понимания роли как маньчжурской, так и тибетской политических элит в формулировании и выполнении идеологических и политических проектов.

Нельзя не отметить того, что выполнение столь сложной задачи — анализ значения тибетского буддизма в политической деятельности Цинского двора — не могло бы состояться без широкой эрудиции автора. Основательную источниковую базу диссертационной работы следует отметить специально. Прежде всего нельзя не подчеркнуть активного использования автором оригинальных источников на тибетском, монгольском, а в отдельных случаях — и на китайском и маньчжурском языках. Выявление круга источников, огромная лингвистическая работа по сопоставлению книг и документов на разных языках, введение в научный оборот уникального собрания монгольских рукописей принца Юньли из библиотеки Восточного факультета СПбГУ позволили В. Л. Успенскому предложить системное исследование.

Поскольку деятельность Пекинского центра зависела от успешного сотрудничества государственных и буддийских институтов, В. Л. Успенский совершенно справедливо уделил внимание анализу законодательных документов, определяющих характер вновь образованного института церкви с государственными структурами, а именно наиболее полному «Уложению Лифаньюань», содержащему сведения о буддийских храмах Пекина, количестве, иерархии и обязанностях лам, которые в них проживали, структуре и организации управления ими.

Представляется оправданным содержание первого параграфа («Тибетский буддизм: возникновение и

экспансия») главы 2 («Ламаистские храмы Пекина»), где рисуется картина широкого распространения тибетского буддизма среди народов Центральной Азии практически с момента формирования института церкви и сложения иерархии в Тибете, то есть уже с VIII в. Показано распространение буддизма среди уйгуров, тангутов. Особенно значимым стало присутствие тибетских лам в Китае при правителях монгольской династии Юань. При сменившей ее династии Мин отмечаются тесные контакты китайского двора с представителями всех тибетских религиозных школ. Безусловно, все это создало условия для укоренения тибетского буддизма в Пекине. Тем более что маньчжуры, сменившие Мин на китайском престоле, вступили в контакт с тибетскими ламами еще до прихода к власти.

Большой интерес представляют изложенные во втором параграфе главы 2 сведения о храмах (с приложением общего плана расположения основных храмов в XVII—начале XX в.) и ламах Пекина (гл. 3). В. Л. Успенский уточняет число храмов и время и обстоятельства их появления, их назначение, число лам и учеников в них, состав факультетов и их название. Патронирование Пекинского центра тибетского буддизма маньчжурским двором выражалось в том, что, поскольку практически все храмы тибетского буддизма были построены по императорскому повелению, они и финансировались из императорской казны через Дворцовое управление Нэйуфу — около 100 храмов. Интересен следующий вывод соискателя: «Отсутствие больших масс верующего населения с лихвой компенсировалось тем обстоятельством, что среди верующих были императоры и их родственники — самая влиятельная и богатая социальная группа империи. Подобная зависимость от высшей власти обеспечила ламаистским храмам процветание в благополучные годы, но она же стала причиной их упадка, когда империя Цин ослабела» (с. 94).

Центральными главами монографии являются гл. 3. «Ламаистское духовенство Пекина при династии Цин» и гл. 4 «Тибетский буддизм в жизни маньчжурского императорского дома». В них обосновываются причины расцвета тибетского буддизма в Пекине, главной из которых являлся личный интерес маньчжурских императоров и их родственников. Совершенно справедливо особое внимание В. Л. Успенский уделяет деятельности Юньли (§ 3 гл. 4), периодам правления Канси, когда тибетский буддизм в Пекине обретает устойчивую организационную структуру, и Цяньлуна, практиковавшего буддизм и как правитель, и как верующий мирянин, и как посвященный адепт.

В подчинении Юньли формально находились все пекинские ламы, поскольку он возглавлял Лифаньюань. Но его вклад в расширение влияния тибетского буддизма не определялся лишь его служебными обязанностями, а объяснялся его личными пристрастиями, что убедительно показал автор (с. 199—224). Интерес представляет изложение В. Л. Успенским не

только деятельности Юньли как адепта тибетского буддизма (его занятия религиозной практикой, получение посвящений; собирательская и издательская деятельность), но и его участия в противостоянии двух школ тибетского буддизма (Гелукпа и Ньинмапа), которое особенно обострилось в Пекине в 20—30-е гг. XVIII в. «То особое отношение к тибетскому буддизму, которое демонстрировали императоры и их родственники, было в значительной степени обусловлено их личными религиозными пристрастиями. Но при этом никогда не упускались из виду возможные последствия их религиозной политики как для Монголии и Тибета, так и для империи в целом» (с. 236).

Покровительство маньчжурских императоров тибетскому буддизму, занятие им заметных позиций не только в религиозной, но и в политической жизни как в Тибете, так и в других регионах Центральной и Восточной Азии привело к сакрализации светской власти, прежде всего императора, в буддийском контексте: обозначение их чакравартинами, бодхисаттвами и их воплощениями. Поскольку бодхисаттва Манджушри, которого считают воплощением интеллекта и мудрости всех Будд, традиционно ассоциировался с Китаем, то уже в 1652 г. прибывший в Пекин пятый Далай-лама пожаловал императору Шуньчжи титул «Небожитель, Манджушри, великий император и владыка», что надолго определило характер отношений между светской и религиозной властью. Большой вклад в укрепление образа живого бодхисаттвы внес своей деятельностью император Цяньлун, в период правления которого изготавливались и рассылались в крупнейшие храмы Пекина и Монголии иконы с изображениями императора бодхисаттвы. Была выстроена и соответствующая «генеалогия» (например, в числе «предшественников» был Хубилай), что укрепило сложившийся союз. «Таким образом, отождествление императоров с бодхисаттвой Манджушри придавало завершенность образу верховных правителей, которые управляют своей обширной страной („охраняют“ ее, если следовать языку тибетских текстов) согласно Дхарме: усмиряют внешних и внутренних врагов и нечестивцев и не жалеют сил и средств для процветания буддизма. Но если в Тибете далай-лама становился светским и духовным правителем потому, что почитался как воплощение бодхисаттвы Авалокитешвары, то маньчжурские императоры почитались воплощениями бодхисаттвы Манджушри потому, что уже являлись верховными правителями» (с. 198).

Содержание всех пяти глав монографии взаимосвязано, они взаимно дополняют друг друга, что позволило В. Л. Успенскому воссоздать полную и многомерную картину: реконструировать взаимоотношения представителей тибетского буддизма с правителями государственных образований на территории Центральной и Восточной Азии не только Цинского периода, но и предшествующих периодов, а также их поэтапную эволюцию, вызванную совокупностью политических и общественных отноше-

ний конкретной эпохи; показать способность тибетского буддизма к экспансии и адаптации в разных этнических и политических средах; выделить, описать и проанализировать основные направления в системе взаимоотношений светских властей (не только тибетских и монгольских, но и, прежде всего, маньчжурских) и духовных иерархов и деятельности Пекинского буддийского центра, что, безусловно, способствует формированию системного взгляда на процесс институционализации тибетского буддизма при дворе маньчжурских императоров. Автором показано, что именно целенаправленное государственное патронирование буддийской церкви не только моделирует иерархию церковной организации, контролируемой маньчжурской династией, но и способствует выполнению ею культуртрегерской функции — развитию деятельности по печатанию и распространению буддийской литературы и изображений буддийских божеств.

Мое замечание касается как будто простой формальности, тем более что В. Л. Успенский оговорил

проблему синонимичности употребления терминов *тибетский буддизм* и *ламаизм* (с. 33). И все-таки предпочтительней была бы унификация — использование одного из них, употребление обоих (глава 2. Ламаистские храмы Пекина, где § 1. Тибетский буддизм... § 2. Пекинские храмы, глава 3. Ламаистское духовенство Пекина при династии Цин), на мой взгляд, не совсем удачно, хотя и понятно. Но, возможно, следует учитывать пожелание тибетцев, да-лай-ламы в частности, не обозначать их направление буддизма ламаизмом. Это даже не столько замечание к настоящей работе, сколько вопрос к размышлению для дальнейших исследований не только автора данной монографии, но и всех специалистов этой области науки (буддологов, тибетологов, монголоведов, китаистов и др.), поскольку понятна вся сложность этой проблемы — это не просто формальное употребление разных терминов, за ними стоит более широкий круг вопросов, современной политики в том числе.